Иван ЛЕКСИН

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ИЛЛЮЗИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО РАЗНООБРАЗИЯ И МНОГООБРАЗИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ИЛЛЮЗИЙ

В статье рассматривается ряд концептуальных проблем, характерных для современного этапа осмысления феномена государственного суверенитета. Автор выступает против агрегированного понятия «суверенитета вообще», критикует отношение к истории научного осмысления суверенитета как к логически цельному процессу. В то же время в статье предпринята попытка примирения отдельных концептуальных течений в изучении суверенитета — на основе признания раздельности их предметной направленности. Автор рекомендует понимать государственный суверенитет в сугубо юридическом смысле — как признаваемую способность устанавливать правовой порядок на определенной территории, обосновывает несостоятельность отождествления государственного суверенитета с фактической самостоятельностью и независимостью, а абсолютного суверенитета — с всевластием. В статье аргументируется методологическая ошибочность типичных претензий к идее государственного суверенитета, делается вывод об отсутствии достойных альтернатив данной концепции.

Ключевые слова: абсолютная власть, государственный суверенитет, государство, международное право, народный суверенитет, правопорядок

Проблематика государственного суверенитета представляет собой один из сравнительно немногих сегментов социально-политической сферы, на протяжении столетий стабильно привлекающих острое внимание ученых, представляющих различные отрасли научного знания. По указанным параметрам (продолжительность осмысления, непреходящая актуальность, междисциплинарный характер) конкуренцию ей может составить разве что форма правления.

Причины неугасающего интереса специалистов к данной предметной области, конечно, коренятся в первую очередь в ее фактической значимости. Однако чрезвычайно важными стимулами к научным изысканиям в этой области служат и ее характеристики как «идейного пространства». В этом отношении суверенитет государства привлекает исследователя многочисленностью поводов для дискуссии, разнообразием потенциал-

ных аргументов и широтой простора для рассуждений. Закономерным следствием стечения отмеченных обстоятельств является незаурядная концептуальная плодovitость. Изобилие научных трудов в свою очередь препятствует своевременности верификации сформулированных в них выводов и их систематизации, что ведет к накоплению содержательных и методологических заблуждений.

Условное единство предмета исследования

Современный период развития общественных наук в целом характеризуется высокой динамичностью подходов к осмыслению их предмета и к объяснению ключевых явлений в составе последнего. В этом отношении не являются исключениями и феномены государственности, государственной власти, суверенитета. Изменчивости представлений о них немало способствовало развитие самой политико-правовой практики, однако ее научное переосмысление нередко опережало трансформацию изучаемой реальности по интенсивности и даже по хронологии. В то же время в некоторых случаях наука по отношению к развивающемуся предмету исследования, напротив, характеризуется инертностью и консерватизмом. Характерным проявлением такой ситуации является стремление видеть концептуальное единство там, где оно давно отсутствует. Так, идея принадлежности суверенитета народу, обоснованная Альтузием, так же как и развивавшиеся в XVII в. представления о двойственности суверенитета («основного» суверенитета народа — *majestas realis* — и личного суверенитета монарха — *majestas personalis*), характеризовавшие политический контекст Священной Римской империи и Нидерландов, считаются своего рода продолжением боденовского учения о суверенитете¹. Равно и более поздние концепции часто преподносятся как последовательно сменявшие друг друга учения о некоем общем феномене суверенитета. В русскоязычном восприятии эта видимость многократно упрочивается за счет единообразного перевода (словом «суверенитет») близких, но неравноценных терминов («*imperium*», «*majestas*», «*puissance*», «*souveraineté*»), использовавшихся зарубежными мыслителями.

При строгом взгляде на эти учения в совокупности и по отдельности можно обнаружить ряд обстоятельств, препятствующих характеристике осмысления суверенитета как логически цельного процесса.

Во-первых, большинство ранних работ по проблематике суверенитета (Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Г. Гроция, Т. Гоббса, Б. Спинозы, Ш. Монтескье и др.), считающиеся фундаментом данной концепции и часто цитируемые в таком ключе, хотя и привели к современным юридическим представлениям о суверенитете государства, однако *были посвящены изучению* не суверенитета самого по себе, а смежных явлений, связанных с политической властью. Упоминания о суверенитете государства в трудах авторитетных исследователей сами по себе вовсе не означают наличия намерения, ни тем более безусловной и успешной попытки

¹ См.: *Bodin J. Les six livres de la République / Un abrégé du texte de l'édition de Paris de 1583. Edition et presentation de Gerard Mairet. Paris: Librairie generale francaise, 1993 / URL: http://classiques.uqac.ca/classiques/bodin_jean/six_livres_republique/bodin_six_livres_republique.pdf (дата обращения 10.01.2017).*

концептуализировать данный феномен. Например, Ж. Боден, используя эту категорию², подразумевал не суверенитет самого государства — как юридически обособленной личности, а «абсолютную суверенную власть правителя над государством»³.

Во-вторых, почти в любой концепции государственного суверенитета можно встретить вольное или невольное *смещение понятий* суверенитета и власти, либо подразумеваемого источника суверенитета и его фактического реализатора (носителя суверенных полномочий), либо суверенитета как юридического качества (признаваемой возможности действовать и принимать решения) и фактической независимости (политической самостоятельности).

В-третьих, последовательное смещение акцентов в наиболее авторитетных трудах исследователей, занимавшихся рассматриваемой проблематикой в прошлые столетия (с суверенитета фактического правителя на суверенитет народа, а затем — на суверенитет государства), имеет мало общего с эволюцией понятия суверенитета. Констатированный многими исследователями «тупик»⁴ в осмыслении понятия суверенитета в определенном смысле надуман, поскольку словом «суверенитет» обозначается не единая категория, а множество отдельных понятий. Для большинства концепций государственного суверенитета характерна избирательная концентрация на одних наблюдаемых или подразумеваемых явлениях в ущерб другим. Государственным суверенитетом называют как власть, так и властность, как абсолютное качество государства, так и его фактическое — относительное и переменчивое — практическое отражение, свойство как государства в целом, так и территориального уровня публичной власти (национального, регионального и др.). Как следствие *категория «суверенитет» используется в отношении явлений, хотя и взаимосвязанных, но не родственных*. История же его научного осмысления, хотя и традиционно преподносится как цельный процесс, в действительности состоит из множества самостоятельных сюжетных линий. Даже современные подходы к пониманию государственного суверенитета более напоминают результаты концептуализации разных феноменов, а не одного и того же явления.

Мнимая противоречивость представлений о суверенитете

Вследствие изложенного вполне совместимые друг с другом объяснения разных, но обозначаемых одним и тем же термином явлений, ошибочно представляются как вытесняющие друг друга, конфликтующие друг с другом и т.п. Между тем в многообразии и фактической неупорядоченности концептуальных представлений о государственном

² См.: *Bodin J.* Op. cit. P. 44 et seq.

³ По замечанию выдающегося исследователя данной проблематики Н.И. Палиенко, у Бодена «субъектом суверенитета собственно является не государство, но конкретные властители (монарх, народ)». *Палиенко Н.И.* Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль. 1903. С. 88–89.

⁴ В частности, по словам Ж. Маритена, «ни одно понятие не породило так много противоположных точек зрения и не завело правоведов и политических теоретиков XIX в. в столь безнадежный тупик, как понятие суверенитета». *Маритен Ж.* Человек и государство / пер. с англ. Т. Лифинцевой. М.: Идея-Пресс, 2000. С. 35.

суверенитете не следует усматривать кризисного состояния⁵ научного осмысления данного явления. Отмеченное многообразие является мнимым, а *разнородные концепции поддаются сведению в иерархическую систему*. Единственный, хотя и глубинный дефект, который требуется преодолеть на этом пути, — обозначение словом «суверенитет» явлений, которые с соответствующим понятием связаны, но находятся с ним в различных отношениях.

В последние десятилетия стало весьма модным называть этим броским словом явления, которые традиционно обозначались иными именами, — начиная от личной свободы индивида до продовольственного самообеспечения государства, региона, континента и пр.⁶ Для описания всего перечисленного слово «суверенитет», очевидно, не является необходимым. Его использование придает лишь неясность и излишнюю пафосность явлениям, которые вполне могут быть обозначены менее емкими и более точными терминами («независимость», «самостоятельность», «автономия», «безопасность»⁷).

⁵ См., напр.: *Романова Л.М.* Кризис идеи суверенитета и политико-правовые гарантии его существования // *Юристы-Правоведы*. 2008. № 4. С. 16–20; *Филонова М.Б.* Кризис идеи государственного суверенитета: философско-правовой аспект // *Философия права*. 2010. № 5. С. 111–115.

⁶ См., напр.: *Матузов Н.И.* К вопросу о суверенитете личности // *Известия вузов. Правоведение*. 1994. № 4. С. 3–14; *Честнов И.Л.* Суверенитет личности и трансформация суверенитета в глобальном мире. Теоретико-правовое осмысление суверенитета в России, Западной Европе и США в условиях глобализации: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 45–59; *Исаева Н.В.* Правовая идентичность и суверенитет личности. Теоретико-правовое осмысление суверенитета в России, Западной Европе и США в условиях глобализации: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 60–72; *Бизнесмены за духовный суверенитет России* // *Высшее образование сегодня*. 2008. № 3. С. 35; *Кузнецова Л.В.* Суверенитет потребителей: сущность и механизм реализации на рынке продуктов питания // *Российское предпринимательство*. 2012. № 13 (211). С. 119–124; *Шахматьев А.А.* Налоговый суверенитет и налоговая юрисдикция государства // *Современное право*. 2013. № 3. С. 76–81; *Винтер Э.Ф., Вальтинер М.* Продовольственный суверенитет в XXI веке // *Управленец*. 2012. № 5–6 (33–34). С. 34–35; *Карнаушенко Л.В.* Интеллектуальный суверенитет государства и проблема его обеспечения в обществе начала XXI века // *Общество и право*. 2015. № 4 (54). С. 10–14; *Блищенко И.П., Дория Ж.* Понятие экономического суверенитета // *Правоведение*. 2003. № 1. С. 200–217; *Черняк Л.Ю.* К вопросу о понятии информационного суверенитета: теоретический и сравнительно-правовой аспекты // *Сибирский юридический вестник*. 2012. № 3 (58). С. 117–122; *Тиводар С.И.* Юридическая легитимация демографического суверенитета России // *Юристы-Правоведы*. 2007. № 5. С. 38–41; *Омелехина Н.В.* К вопросу о фискальном суверенитете государства // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: Право. 2014. Т. 10, выпуск 1. С. 17–23; *Хаванова И.А.* Фискальный (налоговый) суверенитет и его границы в интеграционных образованиях // *Журнал российского права*. 2013. № 11. С. 41–51; *Овчинников С.Н.* Таможенный суверенитет: верховенство государственной власти // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2011. № 3. С. 6–9; *Клебанов Л.* Уголовно-правовая охрана культурного суверенитета России // *Уголовное право*. 2008. № 5. С. 28–34; *Кирилловых А.А.* Глобализация и суверенитет системы высшего образования: правовые и экономические механизмы взаимодействия // *Адвокат*. 2009. № 11. С. 14–23. Термин «фискальный суверенитет» даже получил официальное признание (см. п. 3 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 ч. 1 ст. 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // *СЗ РФ*. 1997. № 1. Ст. 197).

⁷ О проблеме словоупотребления см. также: *Антонов М.В.* Проблемы имплементации различных доктрин суверенитета в российской правовой системе. Теоретико-правовое осмысление суверенитета в России, Западной Европе и США в условиях глобализации: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. С. 36.

Из всех возможных значений, приписываемых слову «суверенитет», бесспорной самостоятельностью (по отношению к значениям, покрываемым иными терминами) обладает только значение, выработанное еще в конце XIX в. правовой наукой. Это утверждение не является следствием субъективных предпочтений автора, а лишь констатирует данность: при обозначении суверенитетом фактических реалий его содержание смыкается со значением вышеуказанных терминов. Внятную же абстрактную конструкцию суверенитета смогла предложить только юриспруденция (причем следует оговориться, что данное обстоятельство само по себе не свидетельствует ни о ценности, ни о логической состоятельности этой конструкции).

Необходимо также подчеркнуть, что в данном случае речь идет не о конструкции государственного суверенитета, традиционно излагаемой в отечественных учебниках по теории государства и права, общей теории права, конституционному праву. Привычное определение государственного суверенитета как внешней независимости государства и внутреннего (территориального) верховенства государственной власти⁸, конечно, допустимо, но лишь в сугубо пропедевтических целях. Несмотря на его распространенность в юридической литературе, по своей сути оно является скорее политологическим. Со строго правовой же точки зрения упомянутые «независимость» и «верховенство» уместнее представлять не как содержание государственного суверенитета, а лишь как его наиболее выразительные проявления в политической реальности. Равно и положения международных документов (Устава Организации Объединенных Наций, Декларации 1970 г. о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, Заключительного акта Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г.), затрагивающих суверенное равенство и независимость государств, следует понимать не как догматическое изложение сути явления под названием «государственный суверенитет», а как прагматическое закрепление его объективных проявлений, наиболее сообразующихся с юридической практикой.

Родоначальником сугубо юридического осмысления государственного суверенитета принято считать Г. Еллинека. Его же можно признать и основоположником классической теории государственного суверенитета и концепции суверенного государства вообще: именно им была убедительно обоснована принадлежность суверенитета исключительно государству в целом, а не конкретным персонам или иным субъектам, действующим от имени государства (главе государства или парламенту).

⁸ См., напр.: Хропанюк В.Н. Теория государства и права: Учебник для высших учебных заведений / под ред. проф. В.Г. Стрекозова. М.: Издательство «Интерстиль», «Омега-Л», 2008. С. 58–59; Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. Часть 1. Теория государства. М.: Издательство «Зерцало-М», 2011. С. 116; Общая теория права: Учебник для юридических вузов / Ю.А. Дмитриев, И.Ф. Казьмин, В.В. Лазарев и др.; под общ. ред. А.С. Пиголкина. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998. С. 57; Оксамытный В.В. Общая теория государства и права: Учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 149–150; Авакьян С.А. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие в 2-х томах. 5-е изд., перераб. и доп. Т. 2. С. 43. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.

Государственный суверенитет в юридическом смысле есть признаваемая способность устанавливать правовой порядок на определенной территории⁹. Данная трактовка сохраняет актуальность, несмотря на значительные изменения в социально-политической действительности и в представлениях о ее должном состоянии, а также вопреки попыткам затушевать роль современного государства в общественной жизни при помощи персонифицированной риторики, призывающей видеть в личности, ее правах и свободах ценностный противовес государственности. При всей соблазнительности идей о развитии социально-политической действительности в направлениях гуманизации, либерализации и демократизации *центровое положение государства и государственного правотворчества в организации цивилизованной жизни остается неизменным.*

По отношению к отмеченной способности все остальные аспекты суверенного бытия государства вторичны. Обнаружение и фиксацию тех или иных граней этого бытия в большинстве случаев не следует рассматривать как концептуальный прорыв. Все они так или иначе вписываются в одну из следующих пяти категорий обстоятельств:

- философские основания наличия указанной способности (идеи подотчетности государства народу и производности воли государства от воли народа¹⁰);
- юридические условия (обстоятельства предпосылочного характера) полноценности реализации указанной способности (ее неотчуждаемость, международная правосубъектность государства, верховенство права, формальная неподчиненность государственной власти каким бы то ни было институтам, непрерывность ее осуществления, право применять меры принуждения для поддержания и восстановления внутригосударственного правопорядка);
- назначение (приписываемые цели) надления институционализированной политической общности указанной способностью (реализация суверенитета нации, ответственность за обеспечение безопасности населения, прав и свобод личности¹¹, т.е. «личного суверенитета»);
- правовые средства реализации указанной способности (право законодательствовать, право выступать в качестве высшей судебной инстанции, право контролировать пересечение государственной границы¹²);

⁹ В известной трактовке Г. Еллинека суверенитет есть «способность юридически не связанной внешними силами государственной власти к исключительному самоопределению, а потому и самоограничению путем установления правопорядка» (*Еллинек Г. Право современного государства. Издание 2-е, испр. и доп. по 2-му немецкому изданию С.И. Гессеном. Т. I. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С. 352*).

¹⁰ О характере связи государственного и народного суверенитета см., напр.: *Шевцов В.С. Суверенитет советского государства. М.: Юридическая литература, 1972. С. 51; Каранетян Л.М. Федеративное государство и правовой статус народов. М. 1996. С. 90.*

¹¹ См.: *Алебастрова И.А. Государственный суверенитет: концепции и реальность // Lex Russica. 2014. № 12. Т. ХСVII. С. 1392.*

¹² Неразделение суверенных прав государства и его суверенитета — довольно распространенное явление (см., напр.: *Кузьмин Э.Л. Указ. раб. С. 94*). Об ошибочности их отождествления см., в частности: *Моисеев А.А. Соотношение суверенитета и надгосударственности в современном международном праве (в контексте глобализации). Автореф. дис. д.ю.н. М.: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2007. С. 16; Каюмова А.Р. Суверенитет и юрисдикция государства: проблемы соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 9. С. 14–15.*

- внешние проявления (практические следствия) указанной способности (фактическая независимость государства, проведение самостоятельной внутренней и внешней политики, постоянство наличия указанных независимости и самостоятельности, способность оказывать влияние на выработку наднациональных решений)¹³.

Как следствие, например, суверенитет государства, народа, нации (либо личности или иного носителя) — это не формы¹⁴ существования одного и того же явления, но отдельные и, более того, *разнопорядковые явления*. Описывающие же их понятия располагаются в *разных логических плоскостях*. Между этими суверенитетами существуют обозначенные качественные взаимосвязи, но отсутствует количественная зависимость (т.е. «укрепление» одного из названных суверенитетов не подразумевает с необходимостью «укрепления» или «ослабления» другого). Национальный суверенитет проявляется в факте реализации права на самоопределение, государственный — в способности осуществлять функции верховного законодателя, народный — в механизме принятия решений, а содержание этих решений может обеспечивать «личный суверенитет» или, напротив, угрожать ему.

Суверенитет государства не есть ни независимость сама по себе, ни независимая воля, ни верховная власть, ни право ее осуществлять, ни фактическое ее осуществление. Суверенитет государства представляет собой лишь юридическую способность выступать в качестве независимого (опять же именно юридически независимого) субъекта и считаться носителем верховной власти. Насколько самостоятельной будет политика государства в реальности, окажется ли оно способным обеспечить верховенство своих решений, в каких правах это будет выражаться и проч. — это отдельные вопросы, ответы на которые варьируются в зависимости от конкретно-исторических условий¹⁵. Понятие государственного суверенитета лишь задает схему правового порядка. По характеру взаимосвязей с фактической социальной, политической, экономической практикой явление, именуемое государственным суверенитетом, ближе всего к категории правоспособности (специальной правоспособности). Как и правоспособность, суверенитет не может быть отчужден, приостановлен или ограничен, но его реализация в принципе ни при каких условиях полной быть не может. Так же как малолетство индивида или психическое расстройство не отражаются ни на наличии правоспособности, ни на ее объеме, конкретно-исторические обстоятельства, затрудняющие обеспечение независимости того или иного государства либо поддержание правопорядка на его территории, не должны препятствовать признанию его юридически суверенным. Данный вывод, конечно, неоспорен, но для его опровержения требуется радикальная переработка юридической догматики.

¹³ Как отмечал еще Г. Еллинек, «функции властвования, отправляемые государством в силу данных исторических условий», не являются содержанием суверенитета, а «конструируются как необходимые последствия суверенитета» (см.: *Еллинек Г.* Указ. соч. С. 354).

¹⁴ Такую трактовку см., в частности: *Шарифов М.Ш.* Сравнение форм суверенитета: конституционно-правовой анализ // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 19. С. 2–9.

¹⁵ См., напр.: *Левин И.Д.* Суверенитет / предисловие д.ю.н., проф. С.А. Авакьяна. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003. С. 81–82; *Зорькин В.Д.* Конституционно-правовое развитие России. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 663.

**Методологическая несостоятельность отождествления
государственного суверенитета с фактической самостоятельностью
и фактической независимостью**

Во множестве работ, опубликованных в последнее время в изданиях политологического, социологического, экономического и юридического профиля, как в России, так и за рубежом, авторы совершают общую методологическую ошибку, пытаясь ответить на вопрос, что такое «государственный суверенитет» (или что происходит с ним в современную эпоху), посредством анализа международной и внутригосударственной политико-правовой практики.

Государственный суверенитет – это понятие априорное, соответствующее подразумеваемому качеству государства. Рассуждение о сущем при исследовании государственного суверенитета либо требует признания раздельности самого суверенитета и его фактических проявлений (а следовательно, невозможность непосредственно на основании данных о последних корректировать понятие государственного суверенитета), либо предполагает подмену понятий.

Попытки усматривать в суверенитете прежде всего фактическое свойство государства (как возвеличивающие это явление, так и направленные на дискредитацию миропорядка, основанного на суверенитете государств) неизбежно подрывают логическое основание концепции суверенного государства. Хотя государственный суверенитет и характеризуют как «вполне осязаемое качество, реально проявляющее себя в наборе прав, возможностей и гарантий»¹⁶, к миру сущего он все же не может быть отнесен¹⁷. *Рассуждения о государственном суверенитете как о части мира сущего, а не мира идеального, в большинстве случаев обесмысливает получаемые умозаключения.* С методологической точки зрения это вполне предсказуемо: операции с абстрактным понятием суверенитета подчиняются законам формальной логики и предполагают его абсолютизацию (на основании закона исключенного третьего), тогда как в рассуждениях о «реальном» суверенитете необходимо опираться на диалектическую логику, требующую измеримости суверенитета (как следствия принципов перехода количества в качество и единства и борьбы противоположностей).

Если исходить из понимания суверенитета как меры фактической независимости и самостоятельности, данная категория просто утрачивает научную ценность, превращаясь в демагогический штамп, не имеющий внятного содержания. Вполне естественно, что подобная примитивизация представлений о суверенитете (сведение его к категориям, описываемым упомянутыми словами «независимость», «самостоятельность», «безопасность» и пр.) наводит на мысль об утрате практической значимости этого понятия. Поэтому нет ничего удивительного, что за

¹⁶ Кузьмин Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире // Журнал российского права. 2006. № 3. С. 86.

¹⁷ См.: Романчук И.С. Принцип методологического индифферентизма как основание исследования суверенитета // Вестник ЮУрГУ. 2010. № 5. Серия: Право. Выпуск 21. С. 22–26.

рамками юридической реальности государственный суверенитет давно видится как абсурдное понятие¹⁸, которое «следует выбросить»¹⁹.

Кроме того, понятие государственного суверенитета как отражения фактической действительности, пусть и учитывающее множество политических, экономических, правовых факторов в комплексе, имеет лишь обобщающее, объяснительное и констатирующее значение. Выполнение этих функций с трудом оправдывает существование понятия государственного суверенитета. Настоятельной потребности в нем при такой трактовке не существует, поскольку оно полностью покрывается более понятными категориями, упоминавшимися выше. В то же время «реалистические» представления о государственном суверенитете вызывают видимость парадоксального противоречия между:

- фиктивностью суверенитета многих государств и их фактической зависимостью от других субъектов и неспособностью проводить самостоятельную политику;
- отсутствием признания ряда государствовподобных образований в качестве полноценных субъектов международного права и их фактической независимостью от других государств.

Юридическое же понятие государственного суверенитета не провоцирует подобные парадоксы и обладает гораздо более весомым функционалом. Оно выполняет моделирующую, программирующую и прогностическую функции (обозначая рамки, в которых может находиться реальная действительность), а также методологическую и эвристическую функции (позволяя логически отграничивать потенциал от степени его практической реализации, а неизменную сущность феномена — от ее вероятностных проявлений).

Относительность и абсолютность государственного суверенитета

Как было упомянуто, фактическое и юридическое представления о государственном суверенитете коррелируют с его относительным и абсолютным характерами. При «реалистическом» видении государственный суверенитет становится переменной величиной²⁰, приобретая ситуативность в различных отношениях:

- то или иное государство может оказываться суверенным по отношению к одним государствам и несuverенным — по отношению к другим (либо по отношению к международным организациям или транснациональным корпорациям и т.п.);
- разные государства могут быть сравнимы по степени суверенности;
- одно и то же государство в разные исторические периоды может оказываться суверенным в разной степени.

Придание государственному суверенитету относительности — неизбежное следствие перевода данной категории в плоскость фактической

¹⁸ См.: *Маритен Ж.* Указ. соч. С. 47–48.

¹⁹ Там же. С. 56.

²⁰ См.: *Вихров А.А., Сальников М.В., Адамян Г.А., Биктасов О.В.* Понятие и сущность суверенитета // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2005. № 3 (27). С. 17.

реальности. Причем популярные сегодня представления об относительности, ограниченности суверенитета далеко не новы в концептуальном отношении²¹. В целом они развивают применительно к современным реалиям идеи, довольно популярные в конце XVIII в. – XIX в. и восходящие к гораздо более ранним историческим периодам²². Оценивать данные идеи необходимо по-разному – в зависимости от смысла, придаваемого словам «относительность» и «абсолютность», и характера логической связи этих качеств с понятием государственного суверенитета. Сводя суверенитет государства к независимости и всевластию последнего, неизбежно приходится констатировать его фактическую ограниченность (относительность) и опасность его абсолютизации (в ущерб требованиям национального и международного права, нравственным и религиозным ценностям и пр.). Но, как было отмечено выше, в таком изложении государственный суверенитет подменяется его практическими проявлениями.

Суверенитет в указанном юридическом значении может быть лишь абсолютным – в том смысле, что у того или иного субъекта он либо есть, либо отсутствует, и один субъект не может считаться более суверенным, чем другой. Даже признавая делимость суверенитета между уровнями государственной власти, не следует рассматривать последний как измеримое и варьирующееся в количественном отношении явление. «Разделенность» суверенитета между уровнями государственной власти в действительности означает избирательность вопросов, по которым суверенитетом (абсолютным) обладает тот или иной территориальный уровень. Таким образом, ограниченность, частичность суверенитета может быть признана лишь как свойство предметной сферы, на которую он распространяется. В последнем смысле ограничен суверенитет любого современного (особенно правового, демократического²³) государства независимо от формы его территориального устройства.

Сказанное не означает, что между абстрактно-абсолютным суверенитетом государства и реальным выражением его суверенности существует противоречие. Безусловно, они не совпадают, но это есть не отставание понятия от текущего состояния соответствующего ему реального явления и не отклонение практики от теории, а *закономерное расхождение между содержанием понятия*, не имеющего прямого онтологического выражения, и *фактическими явлениями*, которые софистически или паралогически с ним ассоциируются.

Абсолютный характер государственной власти совсем не обязательно означает беспредельность и произвольность в ее осуществлении²⁴. Так же, как право на жизнь нелепо смешивать с бессмертием, понятие государственного суверенитета нельзя отождествлять с фактической независимостью и всевластием государства.

²¹ Идеи сообразности верховной власти с общим благом развивались еще в античную эпоху, а со становлением национальных государств приобрели характер ориентиров использования сувереном своих прав для «сохранения мира и безопасности» и «их восстановления» (см.: Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 123).

²² См.: Палиенко Н.И. Указ. соч. С. 26–28, 150.

²³ См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. М.: Норма, 2008. С. 379.

²⁴ Даже отрицая юридическую ограниченность государственной власти, приходится признавать, что ее «произвол... встречает ограничение в нравственных воззрениях и в интересах подвластных» (см.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск первый. М.: Изд. бр. Башмаковых, 1910. С. 218).

Говоря об абсолютности государственного суверенитета, можно иметь в виду только набор юридических возможностей, степень практической реализации которых может очень существенно варьироваться. Государственный суверенитет предполагает абсолютность власти в формальном, а не в материальном смысле. Критика же абсолютной концепции суверенитета по сути основана на неверной интерпретации слова «абсолютный» — как указания именно на фактическую безграничность власти. Такого рода терминологические ассоциации распространены и сегодня, хотя еще Г. Еллинек призывал «освободить понятие суверенитета от ложной идеи безграничности»²⁵. Равно и в отечественной юридической науке еще более столетия назад отмечалось, что «суверенитет не имеет ничего общего ни с деспотизмом, ни с всепоглощающей безграничной властью общественного союза, подавляющей всякую индивидуальную жизнь, права личности и низших союзов; он не отрицает далее права самостоятельности других таких же суверенных союзов и прогрессивного развития общения государств и народов на почве их национальных и общечеловеческих культурных интересов, но означает собою лишь высшее правовое властвование общественного союза над своими членами, властвование, определенное правом и с ним соотнобразующееся»²⁶.

Абсолютный характер власти на практике проявляется не во вседозволенности, а в принадлежности ее носителю или «источнику» неотчуждаемого права по своему усмотрению (которое на деле опять же определяется не только и не столько субъективной прихотью, сколько объективным контекстом и здравым смыслом) устанавливать пределы этой власти, т.е. ограничивать себя в ее осуществлении. С этой точки зрения, например, ограничение государственной власти демократическими институтами и процедурами или международным правом есть не проявление ущемленности государственного суверенитета, а результат реализации суверенной воли государства, выражающей готовность подчиняться определенным правилам.

Динамика «объема» государственного суверенитета

Общим местом в литературе последних лет стали рассуждения на тему о сокращении «объема» государственного суверенитета под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. С одной стороны, такого рода рассуждения кажутся логичными. Ни одно государство никогда не осуществляло, не осуществляет в настоящее время и никогда не будет осуществлять суверенитет по всем мыслимым вопросам. *В каждый момент времени сфера осуществления государственного суверенитета фактически ограничена множеством обстоятельств*: возможностями государственного аппарата, уровнем авторитета государственной власти, общественным мнением, нравственными и религиозными устоями, здравым смыслом и соображениями практической целесообразности, уровнем технологического развития, климатическими особенностями, внешним окружением и др. Однако, с другой стороны, речь в данном случае идет именно об *осуществлении суверенитета* (т.е. о его «внешнем», фактическом проявлении), а не о нем самом.

²⁵ Еллинек Г. Указ. соч. С. 351.

²⁶ Палиенко Н.И. Указ. соч. С. 566.

Небесспорен и вывод о направлении изменения «объема» суверенитета. Внутриполитическая сфера практического осуществления государственного суверенитета весьма динамична: подчинив свою политику тем или иным ограничениям (политическим, правовым, нравственным, религиозным), государство усиливает свое влияние в других вопросах (например, вмешивается в практику воспитания детей и другие вопросы, некогда считавшиеся сугубо внутрисемейными). Поэтому, признавая нестатичность сферы осуществления государственного суверенитета, сложно согласиться с мнением о ее сокращении: в усредненном государстве сегодня эта сфера не является более узкой по сравнению с состоянием, скажем, вековой давности, а находится с этим состоянием в отношениях пересечения.

Оценивая сферу международного общения, также невозможно прийти к однозначному выводу о «сокращении» государственного суверенитета — причем ни с формально-юридической, ни с политологической позиций. В частности:

- передача государством осуществления части своих суверенных прав на надгосударственный уровень компенсируется приобретением возможности участвовать в решении вопросов наднационального значения²⁷;
- в отношении современного государства могут быть применены меры международного принуждения в случае выявления массового нарушения прав личности; но еще в сравнительно недавнем прошлом ни одно слабое в военно-политическом отношении государство не было застраховано от попадания в кабальную договорную зависимость от просто более преуспевающего в военно-политическом отношении государства (или группы таких государств);
- в последние десятилетия широкое распространение приобрело «мягкое» вмешательство одних государств и их объединений во внутренние дела других, но вмешательство в таком формате почти вытеснило прямые вооруженные межгосударственные конфликты, которые только за первую половину XX в. унесли порядка ста миллионов жизней.

Таким образом, можно утверждать лишь о появлении и развитии *новых обстоятельств, оказывающих существенное воздействие на возможности осуществления государственной власти*, при снижении значения или исчезновении других обстоятельств, ранее выполнявших такую роль. Вести речь об изменении «объема»²⁸ государственного суверенитета на этом основании представляется не вполне корректным.

Перспективы концепции государственного суверенитета

Последние десятилетия были отмечены активизацией исследований, отрицающих значение концепции государственного суверенитета или обосновывающих утрату ею актуальности²⁹ вследствие фактических изменений,

²⁷ См.: *Галушко Д.В.* О суверенитете государства в международном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1. С. 370.

²⁸ См.: *Пастухова Н.Б.* Государственный суверенитет в эпоху глобализации // Журнал российского права. 2006. № 5. С. 135.

²⁹ См.: *Черняк Л.Ю.* Теории отрицания государственного суверенитета: основные подходы // Академический юридический журнал. 2008. № 1 (31). С. 4–12.

произошедших в мироустройстве со времен становления вестфальской системы. Такого рода умозаключения сомнительны по нескольким причинам.

Во-первых, попытки обосновать несостоятельность рассматриваемой концепции непосредственно такими изменениями представляются методологически неверными. В рамках изложенного юридического понимания государственного суверенитета вопрос о фактическом, действительном наличии суверенитета у того или иного государства применительно к современности осмыслен не более, чем вопрос о наличии правосубъектности у субъекта права. Так же, как фактически совершаемые правонарушения не угрожают принципу верховенства права, а правовое принуждение в отношении индивидов не исключает признания их прав и свобод высшей ценностью, отсутствие у реального государства политического и административного всеислия само по себе не препятствует абсолютизации государственного суверенитета как абстрактного явления. *Современное государство суверенно априори* (хотя бы в силу императивных норм международного права). Действительность же характеризуют другие понятия: фактическая независимость государства, его политическое могущество, экономический потенциал, административная эффективность и т.п.

Во-вторых, изложением таких изменений можно с определенным успехом аргументировать потребность как в переосмыслении представлений о государственном суверенитете, так и в их консервации. В обоих случаях аргументы к практике могут иметь лишь вспомогательный, второстепенный характер. Апостериорные аргументы были бы уместны прежде всего при обосновании новой концепции, но для опорочивания идеи государственного суверенитета не вполне пригодны, ибо последняя показала свою состоятельность в качестве системообразующего основания мирового и внутригосударственного порядка и с методологической точки зрения неуязвима для аргументов к отдельным фактам, вырванным из социального контекста. Строго говоря, в целом *политико-правовая среда в настоящее время угрожает существованию усредненного суверенного государства не более, чем сто, двести или триста лет назад*.

В-третьих, представления о государственном суверенитете априорны подобно принципу верховенства права или идее индивидуальной свободы. Ценность концепции государственного суверенитета не в научной доказуемости, не в подтверждаемости реальными фактами, а в той роли, которую она сыграла по отношению к политико-правовой реальности. Идея государственного суверенитета изначально не отражала последнюю, а, напротив, формировала ее, выполняла *программирующую функцию по отношению к фактическому политико-правовому порядку*, виделась единственным выходом из хаоса средневекового общественного устройства³⁰.

Практическая значимость идеи абсолютного государственного суверенитета сегодня заключается не в том, чтобы обосновывать полновластие суверена, а в том, чтобы задавать иерархию волеизъявлений, приписываемых различным субъектам, принимающим общезначимые решения. На этой идее держится вся современная правовая система: подчиненность субъектов, находящихся на территории государства, установленным последним правилам составляет одну из ключевых основ правового и политического порядка. Так, только в условиях приверженности концепции абсолютного государственного

³⁰ См.: Чичерин Б. История политических учений. Ч. 1. М.: Типолиитография Т-ва И.Н. Кушнерев и К^о, 1903. С. 14–15, 459–464.

суверенитета мог быть доведен до практического воплощения (и, вероятно, только при ее поддержке может существовать) принцип верховенства права.

В-четвертых, поскольку против априорной концепции программирующего характера, каковой является концепция государственного суверенитета, аргументы апостериорного типа недостаточно действенны, для ее ниспровержения *требуется выработка противоположной априорной концепции.*

В-пятых, идейным стержнем аргументации, способной поколебать концепцию государственного суверенитета, может служить только равноценная ей альтернативная концепция, конструирующая социальный и политический порядок, в котором отсутствовало бы явление, называемое государством.

Причем к подобным концепциям должны предъявляться гораздо более строгие методологические требования (соответствующие современному уровню развития политической, правовой, социологической наук), чем к концепции государственного суверенитета, зародившейся столетия назад. На данный момент концепций с достаточным уровнем убедительности, способных служить такой альтернативой, не предложено. Внимание специалистов, занимающихся этой проблематикой, сосредоточено на международном политико-правовом порядке, в то время как проработка вопросов, касающихся будущего внутреннего бытия наций, лишаемых организующего начала в форме государственного суверенитета, остается на незавидном уровне, подменяясь, по сути, фантазиями об автоматической заменимости государственного аппарата аппаратами надгосударственных структур. Состоятельность подобных предположений по меньшей мере сомнительна. С одной стороны, успешный опыт существования таких структур имеет локально ограниченный характер. Главная из таких структур — Европейский союз — сформировалась в специфических исторических, хозяйственных, геополитических условиях во многом благодаря внешней финансовой поддержке восстановления Западной Европы. Имеются веские основания полагать, что опыт данного объединения окажется непригодным в качестве универсальной модели заменителя суверенной государственности. С другой стороны, перспективы политического и правового бытия даже сравнительно стабильного Европейского союза остаются недостаточно определенными.

* * *

Таким образом, *идея единого мирового правопорядка пока не может рассматриваться в качестве достойного конкурента концепции государственного суверенитета.* Полагаться же на незрелые умозрительные построения в столь сложном вопросе — значит, идти на неоправданные риски производства несостоятельных теоретических концепций и программирования на их основе непредсказуемой реальности.

Равно не следует увлекаться и представлениями об ограничении государственного суверенитета волей мирового сообщества, гуманистическими ценностями или демократическими идеалами и пр. Как было показано, такого рода обстоятельства могут задавать пределы фактической сферы осуществления публичной власти, в то время как государственный суверенитет располагается в иной логической плоскости и не может быть сведен к независимости и полновластию государства.